

АТМОСФЕРА И БЫТ В КАДЕТСКИХ КОРПУСАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

История кадетских корпусов является одной из важных страниц в истории русской культуры и истории русского образования. Уникальность их роли в истории России несомненна. Достаточно напомнить, что немалое число бывших воспитанников заняло значительное место в политической, научной и культурной жизни страны. Среди них были художники В.В.Верещагин и П.А.Федотов, автор «Толкового словаря» В.И.Даль, писатели А.Н.Радищев и Ф.М.Достоевский, композиторы Н.А.Римский-Корсаков и Ц.И.Кюи, физиолог И.М.Сеченов, географ П.П.Семенов-Тянь-Шаньский и др.

Следует отметить, что это явление во многом объяснялось спецификой отечественной системы образования XVIII — середины XIX вв. Отмеченный хронологический период был временем становления гражданской средней и высшей школы, развитие которой до либеральных реформ 60-х — 70-х гг. XIX в. значительно отставало от потребностей общества и государства в грамотных, квалифицированных специалистах. Ряды последних активно пополнялись выпускниками военно-учебных заведений. В середине — второй половине XVIII в. кадетские корпуса играли лидирующую роль в системе образования. В определенной мере подобная ситуация сохранялась и в первые десятилетия XIX в.: наметившееся разграничение сфер деятельности военных и гражданских образовательных учреждений ещё не завершилось, и кадетские корпуса по-прежнему отличал некоторый «универсализм» как наследие прежних времён.

Отмеченные тенденции наложили значительный отпечаток на всю систему воспитания, утвердившуюся в этом виде военно-учебных заведений. Наряду с ней, кадетские корпуса имели и другие задачи. Они были призваны воспитывать представителей сословия, весь период Петербургской Империи сохранявшего чётко выраженный военный характер. Соответственно, наряду с профессиональными и общеобразовательными, корпуса выполняли и специфически-сословные функции. Все отмеченные черты играли роль факторов, в значительной мере определявших весь образ жизни воспитанников корпусов.

Круг привлечённых нами источников включает нормативные акты, документы официального делопроизводства, прежде всего касающиеся 1-го кадетского и Пажеского корпусов, личные дневники, мемуары и воспоминания Н.П.Брусилова, П.М.Дарагана, В.А.Бельгарда, Н.К.Имеретинского и др., материалы периодической печати, произведения художественной литературы, вошедшие в себя непосредственные впечатления современников и участников событий, и др.

Все собранные нами данные свидетельствуют о том, что кадетская среда воспринималась её членами (как воспитанниками, так и настав-

никами) как особый мир, отличающийся чётко выраженной кастовостью. Включение в её состав давало чувство избранности не только в силу принадлежности к высшему сословию (в стенах корпуса все были одинаково равны перед наказанием), но и по принадлежности к тому или иному учебному заведению, сохранение этих чувств и после окончания корпусов во время службы офицерами.

Если говорить о наиболее характерных жизненных путях лиц, окончивших кадетские корпуса, то для большинства выпускников полученное образование имело прямое отношение к дальнейшей военной карьере вплоть до отставки или до конца жизненного пути (смерть на «боевом посту»: погибли в сражениях, умерли при исполнении служебных обязанностей; от болезни, от ран) или, во втором случае, происходил переход с военной службы на гражданскую.

Что происходило в кадетских корпусах? С одной стороны, за время обучения в корпусе происходило отчуждение воспитанника от семьи, от родителей. Кадеты, привезенные из отдаленных уголков России, годами не видели своих родных, и кадетский корпус, как бы жестоко они в нем ни страдали, особенно на первых порах, становился для многих родным домом, с которым до конца дней связывали самые теплые воспоминания. Так, выпускник одного из кадетских корпусов, приезжая в Москву, всегда навещал бывшего директора и любимого преподавателя географии.

Кадетские корпуса своего рода «государства в государстве»: со своими внутренними уставом, нормами и правилами жизни. Часто в воспоминаниях бывших воспитанников встречаются такие определения внутренней жизни как «военно-монастырская» (у Н.С.Лескова беллетризованные воспоминания Г.Н.Похитонова также называются «Кадетский монастырь»). С другой стороны, жизнь в гарнизонах во многом походила на жизнь в корпусе: то же однообразие, тот же распорядок дня, та же иерархия, только, в отличие от корпуса, бывший воспитанник, став офицером, не подвергался телесным наказаниям, а получал право сам командовать другими людьми.

Большинство воспитанников мирилось с суровым бытом, считая, что это своеобразная закалка характера и что именно такое воспитание должно было сделать их способными к перенесению всех трудностей военной жизни. Практически все выпускники, избравшие военную стезю, испытывали благодарность к своим корпусам. Действительно, несмотря на воплощение в кадетских корпусах «умственных плотин», подавление воли и постоянный надзор за образом мыслей, кадеты жадно следили, насколько, конечно, могли, за всеми изменениями «внешнего мира», читали все, что могла предоставить им корпусная библиотека, и то, что могли тайком принести от родных и знакомых.

Многие лица достигшие высокого военного или гражданского положения или известности начинали свою карьеру с Александровского корпуса для малолетних в Петербурге (Н.Н.Обручев, В.Г. фон Бооль, братья В.М. и Л.М. Жемчужниковы, Г.Г.Данилович, М.С.Лалаев). Различное социальное происхождение, уже начиная с корпуса для малолет-

них, сводилось к формальному равенству. Часто детям из достаточно родовитых и обеспеченных семей «доставалось» гораздо больше со стороны воспитателей и офицеров (неприязнь к Л.М.Жемчужникову со стороны мадемуазель Боньо). В Александровском корпусе для малолетних учились дети бедных дворян (сироты) и дети из аристократических семей, внезапно лишившиеся матери (братья Жемчужниковы). Был и другой момент формального равенства — перед наказанием. Перед ним были одинаково равны выходцы из бедных и богатых семей.

В процессе адаптации к корпусной жизни воспитанники переживали несколько стадий: 1) тоска, чувство одиночества, забытости; 2) возмущение корпусными порядками; 3) привыкание и смирение; 4) ощущение себя неотъемлемой частью этой среды. Что не приветствовалось в кадетской среде в зависимости от традиционной направленности? Обычно — карты, пьянство. Но (!) в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров эти явления не осуждались, а, напротив, считались особым шиком. Особое чувство кадеты испытывали при выпуске из корпуса: они получали вожеленные погоны, что для них означало не только конец заточенья, но и получение официального статуса.

Одним из проявлений сохранения корпоративности и корпусного братства были товарищеские обеды, на которые собирались кадеты разных выпусков, создание обществ взаимопомощи для неимущих однокашников, помощь вдовам своих корпусных товарищей для воспитания детей. Во 2-й половине XIX в., по мнению известного теоретика военного искусства Н.Н.Головина¹, русское офицерство не было корпоративным, в силу пореформенной «размытости» дворянского сословия. С ним не во всем можно согласиться, так как Пажеский корпус и во 2-й половине XIX — начале XX в. оставался жестко сословным военно-учебным заведением, в котором сохранялись традиции предшествующих лет.

Но товарищества не было между кадетами различных кадетских корпусов. Чувство враждебности сохранялось на протяжении всей жизни. Кадеты 2-го кадетского корпуса в Петербурге неприязненно относились к воспитанникам Дворянского полка. Выпускники Пажеского корпуса называли выпускников кадетских корпусов «бурбонами». В то же время в гвардейских полках не любили бывших пажей выпускники других учебных заведений, например, Школы гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров. Школа, входя в систему кадетских корпусов, наряду с Пажеским корпусом была привилегированным военно-учебным заведением. Только в Школе юнкера знали заранее, в каких полках будут служить. В других военно-учебных заведениях при зачислении в полки играла роль только успеваемость и наличие вакансий, хотя в отдельных случаях имели значение родственные связи.

Отличительной особенностью пажей от воспитанников кадетских корпусов было совмещение учебных занятий и необходимость еженедельно дежурить при дворе. С одной стороны, пажи отрывались от учебы и сетовали на это; с другой, — сами использовали возможность отлу-

читься из корпуса. Вообще, «дежурство во дворце — неотъемлемая часть быта, так же как и малые выходы в церковь»². Но в рождественских, крещенских и пасхальных дежурствах в Зимнем дворце принимала участие сводная рота из всех корпусов. Особый характер в конце XVIII в. имел в Пажеском корпусе «обряд посвящения в камер-пажи»: оно имело «рыцарский» характер. Паж приклонял колено, государыня дотрагивалась рукою до его щеки, вручала ему шпагу. Еще одной отличительной чертой было получение пажами от казны жалованья — 200 рублей ассигнациями в год. Во время больших парадных обедов камер-пажи переменили приборы и подавали кушанья лицам царской фамилии³.

Средством формирования и сохранения корпоративных связей в корпусах было создание музеев своих учебных заведений при I-м Кадетском корпусе, при 2-м кадетском корпусе, при Пажеском корпусе. Музеи создавались по инициативе директора и педагогов и поощрялись государем-императором. Бывший паж Отто Рудольфович фон Фрейман выпустил сборники биографий пажей, выходявшие дважды, — в 1894 и 1897 гг.⁴

В музее Пажеского корпуса хранились биографии практически всех пажей. Среди них — биографии лиц, сыгравших важную роль в отечественной истории: Михаила Илларионовича Воронцова, графа Ивана Ивановича Шувалова, графа Федора Васильевича Ростопчина, декабриста Василия Сергеевича Норова, Александра Александровича Пушкина, старшего сына поэта, и многих других⁵.

В первой половине XIX столетия происходит изменение в самом отношении к службе: если в ангальтовскую эпоху основным считается «быть полезным государству и обществу», в «клингеровскую» эпоху — «государю, государству и обществу», то у Николая I на первое место выдвигается верность Престолу, что находит логическое завершение в «Наказе» Я.И.Ростовцева.

При выходе из корпуса кадеты оставались детьми во многих житейских вопросах — «не знали жизни». Вместе с тем, они имели более четкие и сознательные представления о государственной службе, в данном случае — военной, по сравнению с выпускниками гражданских учебных заведений. У большинства последних представления о службе были расплывчатыми. В этом проявлялось главное различие образа жизни, образования студентов и кадетов, воспитания в них разного отношения к службе и к общественным идеалам. У кадет формировалось чувство долга и преданность идее служения государю и Отечеству, у студентов — представление о служении «высоким идеалам», часто достаточно туманным. Отсюда — различное понимание, осознание самих себя, своего места и предназначения в обществе. В 40-е гг. происходит «размывание» дворянской среды; университеты начинают пополняться разночинцами, в то время как военное сословие остается все еще консолидированным.

Вместе с тем, при готовности в любой момент отдать жизнь за государя и Отечество, кадеты не были безразличны к тому роду службы, в котором им предстояло служить при выходе из корпуса. Так, выпускник I-го Кадетского корпуса М.И.Пушин не был доволен распределением в

лейб-гвардии саперный батальон. Он полагал, что при его успехах в науках он достоин быть выпущенным в артиллерию, а саперный батальон не считался престижным подразделением для службы. Возмущение Пущина вызвало неудовольствие со стороны Николая I, что в дальнейшем определило судьбу бывшего кадета⁶.

Другой выпускник I-го Кадетского корпуса, В.Н.Погожев, наоборот не желал быть выпущенным в артиллерию, так как ему не нравился этот «род службы»: «Воображение мне рисовало блестящие виды в будущем, исполнение которых я не мог ожидать, служа в артиллерии... Для этого на выпускном экзамене я притворился незнающим необходимых для артиллерийского офицера частей математики». Директор М.С.Перский понял уловку Погожева и предупреждал его о раскаянии в будущем. Поскольку Погожев не желал идти и в саперы, то был выпущен в армию в Софийский пехотный полк⁷.

С другой стороны, для большинства выпускников кадетских корпусов было характерно кредо, которого придерживался всю жизнь один из воспитанников I-го Кадетского корпуса Н.И.Цылов: «Никто мне не протектировал, я всегда оставался доволен и своею судьбою и начальством»⁸.

В отличие от выпускника кадетского корпуса выпускник университета, особенно словесник («потенциальный литератор»), — подозрительная личность, не желающая служить. Это противоречило идеалу Николая — обязательная служба на благо Престола и Государства. Слова «служба», «долг» звучат во всех воспоминаниях бывших воспитанников кадетских корпусов. Для Николая I — главное, чтобы человек «служил», то есть занимался делом и тем самым проводил в жизнь его собственные идеи. Любое отступление от нормы (а служба — это норма) — преступление против государства и общества. Отсюда — желание закрыть университеты и «всех философов в чахотку согнать». По мнению Николая I, лица, получившие образование в университетах, в большинстве случаев ничем не оправдывают затраченные на них средства, а занимаются лишь пустыми бреднями.

Распорядок дня. Жизнь в корпусе была строго регламентирована: подъем по барабану, утренняя молитва, завтрак, занятия, прогулка, обед, приготовление уроков, игры, сон. В 1841 г. был введен единый для всех кадетских корпусов распорядок дня:

5.30 — 7.00 — подъем, туалет, молитва, завтрак;

7.00 — 8.00 — приготовление уроков;

8.00 — 11.00 — две лекции, между которыми 15-минутная прогулка на свежем воздухе в любую погоду (до -10 градусов — без шинелей);

11.00 — 12.00 — фронтное учение;

12.00 — 13.00 — гимнастика, фехтование, танцы, пение;

13.00 — 13.30 — прогулка на свежем воздухе;

13.30 — 14.00 — обед (из 3 блюд);

14.00 — 15.00 — отдых;

15.00 — 18.00 — две лекции, между которыми прогулка;

18.00 — 18.30 — отдых;

18.30 — 20.00 — приготовление уроков;

20.30 — 21.00 — ужин, проверка, молитва;

21.00 — 21.30 — построение, отбой⁹.

Бытовые условия. В начале XIX в. состояние помещений кадетских корпусов нередко не соответствовало гигиеническим требованиям. Они были малы, имели плохую вентиляцию. Во 2-м кадетском корпусе и Сиротском доме юноши спали по трое на двух кроватях и дышали ночью спертым воздухом, образующимся особенно от горения сальных свечей.

Антисанитарное состояние кадетских корпусов создавало благоприятные условия для массового распространения различных заболеваний. В 1817 г. ревизия учебных заведений установила наличие во всех помещениях столичных корпусов сырости, нечистот, тесноты и огромного количества больных воспитанников. Из 2250 учащихся корпусов более 600 человек оказалось в лазаретах, из них с чесоткой 442 воспитанника¹⁰. Периодически в корпусах проводили ремонты. Так, в 1827 г. во время ремонта Воронцовского дворца, занимаемого Пажеским корпусом, пажей перевели в Петергоф.

Одним из спорных моментов в кадетских воспоминаниях является оценка **питания**. Большинство авторов указывают, что оно было организовано плохо, и объясняют, в силу каких причин: воровство, экономия, поvara, скудость средств, отпущенных на стол. Действительно, нередко именно из-за плохой еды происходили в корпусах бунты, в особых случаях оканчивающиеся исключением воспитанников из корпуса и вмешательством Государя-императора. Обычный завтрак и обед кадета в первой половине XIX в. состоял из следующих блюд. Утром давали «таберсуп» (овсянку) или кусок черного хлеба с солью. В 12 часов дня получали обед, состоявший из супа или щей, с куском жесткой говядины, пирогов, а по праздникам хвороста, в 4 часа дня давалась булка и стакан воды и на ужин — суп и гречневая каша¹¹.

С другой стороны, для многих кадет, не имеющих родственников, кадетская пища становилась родной¹². Еда была одним из немногих факторов, свидетельствующих о различном имущественном положении воспитанников: обычно около корпусных зданий располагались лавки со снедью, и имеющие деньги кадеты могли пользоваться их услугами. Но в большинстве случаев расплата производилась только при производстве в офицеры. Бедные кадеты тоже находили выход из положения: за деньги или за еду они решали задачи лучше обеспеченным, но нерадивым однокашникам¹³.

В конце XVIII в. быт пажей отличался от быта в кадетских корпусах не только тем, что у пажей «не было формы», но и тем, что «стол был общий, чай каждый имел свой, камер-пажам еду приносили в комнату»¹⁴. В царствование Николая I бунты из-за плохой еды выражались прежде всего в отказе принимать пищу, иногда в поvara летели ложки, стулья и прочие предметы. Подобные инциденты внимательно рассматривало корпусное начальство. В отдельных случаях дело доходило до Главного начальника кадетских корпусов великого князя Михаила Пав-

ловича и самого Николая I. Наказание зачинщикам полагалось в любом случае: и при условии, что еда была действительно плохой — если так решило посчитать высшее начальство, и если оно приходило к выводу, что «голодный бунт» не имел почвы. В последнем случае виновных могли исключить из корпуса. Конечно, не во всех корпусах питание было таким скудным. Иначе обстояло в Пажеском корпусе, в Горном. Выпускник Горного корпуса Н.И.Мамаев с гордостью вспоминал, что «стол был даже лучше, чем в Пажеском корпусе»¹⁵.

Проблема с питанием возникала не только из-за скудости средств — на каждого воспитанника младших классов ассигновалось 35 копеек в день, старших — 45 копеек, но и по причине таких негативных явлений, свойственных большинству закрытых учебных заведений, как воровство, нерадивость, незаинтересованность экономов, поваров и попустительство директора корпуса. Эконом был одним из главных лиц в корпусной иерархии, именно он отвечал за быт, атмосферу и в какой-то мере здоровье воспитанников. Не случайно, личности эконома в кадетских воспоминаниях отводилась большая роль. Так, в I-м кадетском корпусе искренней любовью и уважением пользовался за свое бескорыстие «Андрей Петрович Бобров», не раз удостоившийся упоминаний в корпусных поэмах, ему посвятил стихотворение и К.Ф.Рылеев¹⁶.

Как следили за *здоровьем* кадет? Если воспитанник заболел, его осматривал корпусный врач и помещал в лазарет. Больных также могли вывозить в Старую Руссу, на Кавказ, после тяжелых заболеваний на год отправить кадета домой. Склонность к некоторым заболеваниям (например, легочным, к туберкулезу, или золотухе) была обусловлена тем, что уроженцы южных губерний плохо переносят климат Санкт-Петербурга. В наиболее тяжелых случаях, после годичного пребывания заболевшего дома, комиссия врачей могла отчислить воспитанника из корпуса по состоянию здоровья.

Досуг. Значительную часть досуга воспитанников составляли внеклассные занятия: занятия музыкой и пение, плавание, верховая езда. В отдельных случаях воспитанников обучали столярному и слесарному делу, труду каменотеса и другим ремеслам, которые могли пригодиться будущему офицеру. Воспитанников Пажеского корпуса возили на экскурсию на Оружейный завод в Сестрорецк. Об этой экскурсии сохранились воспоминания камер-пажа К.К.Жерве. В провинциальных корпусах часто устраивались игры на свежем воздухе, прогулки в лес. Самыми приятными развлечениями воспитанников были театральные и музыкальные вечера. Во 2-м Петербургском кадетском корпусе каждую среду устраивались фортепианные вечера, в которых принимали участие и воспитанники, и преподаватели¹⁷.

В Морском корпусе в 1831 г. по инициативе И.Ф.Крузенштерна были осуществлены театральные постановки. По случаю выпускных экзаменов гардемаринны старшей роты разыграли «два театральные представления». Текст пьес был написан ротным командиром капитан-лейтенантом Шаховским. Все роли, в том числе и женские, исполняли

гардемаринны. Представления завершились «небольшим балетом», в котором 6 гардемаринны исполнили тирольский, русский танцы и «Матлот». Зрителями были около 170 кадетов и около 100 преподавателей, которые пришли на представление с семьями.

Эти развлечения оживляли суровую корпусную атмосферу, вносили разнообразие в жизнь и быт кадетов. Театральные представления были характерны особенно для провинциальных корпусов, где начальство принимало самое живое участие в организации кадетского досуга. Они способствовали созданию более теплой обстановки в корпусе и обществе провинциальных городов. Так, в Новгороде на спектакле кадетского корпуса собиралось не только корпусное начальство, но и высшее общество города. В Омске в Войсковом казачьем училище (с 1845 г. в Сибирском кадетском корпусе) силами воспитанников устраивали театральные представления, на которые с 1830 г. приглашалась состоятельная публика из города. В организации театральной жизни принимала непосредственное участие жена директора корпуса Ф.А.Шрама и его дочери¹⁸.

Важной частью досуга, оказывавшей непосредственное влияние на формирование мировоззрения воспитанников в закрытом учебном заведении, являлось чтение. Поэтому был так важен вопрос создания *библиотек* и налаживания *книгопечатания* в кадетских корпусах. Что касается формирования и пополнения библиотек, то нередко, попадая вновь в свой корпус в качестве офицеров-воспитателей или учителей, этим занимались сами бывшие воспитанники. В этом, например, активно принимали участие Н.В.Веригин в Дворянском полку, В.Г. фон Бооль в I-м Кадетском корпусе. Книги приносились из дома, от знакомых, родственников и тщательно просматривались. На этот счет были особые постановления правительства и распоряжения Главного начальника военно-учебных заведений.

Особую роль играла *библиотека Первого кадетского корпуса*, ставшая своеобразным памятником культуры XVIII в. История библиотеки очень интересна. В первые годы существования корпуса Анна Иоанновна купила для него библиотеку в 7 тысяч томов скончавшегося коменданта г. Данцига Эггерса, где был прекрасный подбор лучшей военной литературы на русском, немецком и французском языках. В дальнейшем библиотека пополнялась книгами по математике, истории, географии, литературе, философии.

В 1744 г. в ней было около тысячи томов, и она состояла из трех разделов: русских книг, иностранных книг и военного отдела. К 1787 г. библиотека, значительно умноженная, была «представлена на пользу» петербургской публике. В конце 80-х — 90-х гг. корпусная библиотека была открыта 3 раза в неделю «для чтения всех ученых и любителей наук. Всякому позволялось требовать от библиотекаря книги, какие пожелает, и делать из оных выписки в особливое на то учрежденной комнате. Брать книги на дом разрешалось только находящимся при корпусе»¹⁹.

В 1909 г. было издано описание музея Первого кадетского корпуса. В конце его говорилось, что в библиотеке, имеющейся при музее корпуса, находятся книги сподвижника Петра I генерала Любераса. Всего же

в библиотеке насчитывается около 15 000 томов и 369 томов рукописей кадет. В настоящее время полностью сохранившаяся иностранная часть библиотеки — 7640 книг и 548 томов на русском языке находятся в Отделе редкой книги Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина).

Изучение состава библиотеки говорит о том, что она пополнялась лучшими образцами литературы по различным отраслям знаний, которую кадеты могли использовать для своих занятий. Можно с полной уверенностью сказать, что именно в корпусе юноши задумывались над проблемой возможности и оправданности социальных потрясений: кто впоследствии выйдет на Сенатскую, кто станет верным слугой престола. Среди исторических сочинений были представлены многотомные обзоры Анкетилля, Роллена, Милло, истории революции: «История революции в Португалии», «История революции в Швеции», «Американская революция» Рейналя, сочинение о революциях в Англии и Испании, речи Мирабо. На полках стояли «Mercure de France» за 1787-1791 гг. и «Journal encyclopedie» за 1780-1792 гг. Занимаясь в корпусе, будущие декабристы могли познакомиться с «Путешествием в Грецию» Пуквиля, с сочинениями Корнеля, Расина, Бомарше, Мольера, Руссо, Вольтера.

Особый интерес представляет «Реестр книгам для библиотеки Первого кадетского корпуса от 18 апреля 1806 г.»²⁰ Это время обучения в корпусе К.Ф.Рылеева и других декабристов. Все перечисленные книги в реестре на русском языке — это переводная философская, историческая и художественная литература и произведения русских писателей и историков. Последнее особенно ценно, потому что сочинения русских историков в то время были не во всех богатых частных библиотеках. А здесь мы видим «Историю» князя М.М.Щербатова — 15 книг, «Историю Российскую» В.Н.Татищева, «Историческое описание российской коммерции» Чулкова, 21 том, «Историю естественную», изданную Озерецковским и Северинным, 7 частей с фигурами, «Критические примечания на историю Российскую. Леклерка», сочиненную И.Н.Болтинным в 2-х частях. Также среди этих книг было и «Путешествие молодого Анархасиса по Греции», 2 тома, «Разговор о множестве миров» Фонтенеля и многое другое²¹.

Таким образом, библиотека корпуса может служить одним из важнейших источников для изучения формирования общественно-политических, философских, исторических и литературных взглядов декабристов. При I-м Кадетском корпусе находилась типография. В XVIII веке реестр книг, издаваемых в типографии, особенно переводной художественной литературы, был очень разнообразен. Типография просуществовала почти 80 лет до закрытия в 1835 г.

Богатая библиотека была и в *Пажемском корпусе*, в котором учились многие декабристы. Чтение было любимым занятием пажей. Кн. Иммеретинский, например, будучи пажом, «перечитал почти все романы Вальтер Скотта, Купера, Дюма, Сю, Бальзака». Активным читателем книг из корпусной библиотеки был и Л.М.Жемчужников²². Несколько лет назад книги из этой библиотеки были найдены в Таврическом двор-

це. В настоящее время о ее составе могут свидетельствовать «Каталоги российским, французским и немецким книгам, находящимся в библиотеке его императорского величества корпуса от 24 марта 1830 г.», а также каталоги библиотеки, опубликованные в 1894 и 1912 гг.²³

В *Морском корпусе* библиотека официально была основана в 1769 г., в действительности же собрание книг для чтения было заведено в этом военно-учебном заведении много раньше²⁴. Известно, что после 1762 г., когда директором корпуса стал И.Л.Голенищев-Кутузов (дядя прославленного полководца М.И.Голенищева-Кутузова), библиотека пополнялась русскими и зарубежными изданиями. Среди приобретенных были собрания сочинений Тацита, 26 частей полного описания художеств и ремесленных дел, книги по математике, фортификации, по этике и другим отраслям знаний. Многие книги были на иностранных языках. Наиболее ценные из них, в том числе «Механику» Эйлера, перевели на русский язык. Те переводы, которые не печатали, переплетали и хранили в библиотеке в рукописи. С 1764 г. началась реорганизация и расширение корпуса.

После пожара 1791 г. особое распоряжение по корпусу было отдано о восстановлении библиотеки: «К составляемой после пожара при кадетском корпусе библиотеке надлежит определить человека, способного быть библиотечарем...» Выполняя это распоряжение, Н.Г.Курганов передал библиотеку Г.Сегесбену, который также знал иностранные языки и многое сделал для пополнения фонда. Были куплены книги по математике, астрономии, истории. Некоторые преподаватели, а также частные лица, узнавшие, что в Морском корпусе покупают книги, предлагали свои собрания. Списки этих изданий И.Л.Голенищев-Кутузов просматривал лично и разрешал приобретать только действительно нужные и представляющие литературную ценность²⁵.

Помимо библиотеки, Морской корпус имел и свою *типографию*. В ней прежде всего печатались книги, необходимые для учебного процесса: «Искусство военных флотов или сочинение о морских эволюциях», «Бутгероново новое сочинение о навигации», переведенные с латинского языка геодезистом российской академии наук Н.К.Голенищевым, таблицы для вычисления движения спутников Юпитера и др. В октябре 1764 г. Н.Г.Курганов сдал в типографию новое учебное издание по геометрии, тригонометрии и геодезии.

Типография также печатала художественную литературу. Так, в 1765 г. в корпусе были переведены на русский язык и изданы произведения «Задиг, или судьба», «Свет, каков есть, или видение Бабука» знаменитого французского просветителя и писателя Ф.М.А.Вольтера²⁶. С 1803 г. Морская типография была взята на государственное содержание, был утвержден ее новый штат во главе с директором в чине генерала-майора. Теперь она выполняла и заказы Морского министерства. В первой четверти XIX в. ее подчинили непосредственно Министерству, в связи с чем на нее не распространилось влияние царской цензуры. В 60-е гг. XIX в. именно здесь в «Морском сборнике» увидели свет многие прогрессивные работы в области педагогики. С 1836 по 1863 г. издавался

«Журнал для воспитанников военно-учебных заведений», в котором печатались в основном отрывки из произведений русских классиков (Багюшкова, Гнедич, Глинка, Жуковский, Карамзин, Пушкин и др.), а также слова и речи духовные, манифесты государя, высочайшие грамоты и рескрипты, дипломатические ноты, приказы, академические речи и т.п.

Рукописные журналы I-го Кадетского корпуса являются бесценным источником по изучению литературных вкусов, философских, нравственно-этических и политических представлений эпохи Просвещения, то есть культуры XVIII в. в целом, — и западноевропейской и русской, — а также важным источником по генеалогии. В этих журналах встречаются подписи Каховского, Краснокутского, П.Н.Лунина. Лунин 1 октября 1792 г. по собственному почину начал тетрадь под названием «*Cahier spirituel*», где записывали стихи Я.Б.Княжнина, А.П.Сумарокова, М.М.Хераскова и воспитанники и учителя. Журналы «Плоды учения господ кадетов» (1790—1794) знакомили кадетов с основными просветительскими понятиями и ценностями, которые прочно усваивали их предшественники. Наиболее часто записи отражают представления о добродетели, пороке, добре, счастье, благополучии, государстве, законе, обязанностях человека перед обществом, бедности, лести. Так, 19 января 1790 г. кадет Данненберг сделал следующую запись: «Порок есть такое чудовище, что дабы его возненавидеть, надобно только его увидеть». 15 февраля кадет Константинович писал: «К благоразумию и мудрости восходят по трем ступеням: первая — познать добродетель, вторая — любить добродетель, третья — быть добродетельным». Журналы велись во время Великой Французской революции, и, вероятно, не случайно в них преобладают мысли о государстве, о гражданском долге, о предназначении человека. Запись от 22 июля 1790 г.: «*Всяк в обществе живущий подвержен общественным законам*» (Шватер). Эта запись была наиболее популярна у кадет. 7 января 1790 г.: «Послушание и повиновение суть первые должности человека, хотящего исправить свою должность. Тот, кто хочет повелевать, должен сам быть первым» (Маловиневский). 17 февраля 1790 г.: «Сделаться полезным обществу есть самое приятное удовольствие, которое одаренное разумом творение в свете сил достичь может» (Смирнов). 18 января 1790 г.: «*Всякий должен избирать такой род жизни, в котором может оказать добрые и полезные людям и отечеству услуги*» (Петров). 25 марта 1792 г.: «Первейшая должность человека есть служить своему Отечеству» (Шубников). 8 июля 1792 г.: «*Законы столь нужны в обществе, сколь необходимо в знаниях основание, а в часах пружина*» (Мармолев). 25 августа 1794 г.: «*Все сочлены гражданского общества должны о состоянии оногo усердно стараться*» (Грабб)²⁷.

Журнал «Утро тысячи и одной недели» позволяет судить и об определенных литературных вкусах, и о нравственно-этических представлениях. Первая запись в этот журнал была сделана 21 октября 1790 г. кадетом Михаилом Калатинским: «Украшать мой разум, очищать мое сердце, удерживать язык, занимать мою руку, есть умеренно и мало спать — вот моя философия». В этот день было записано еще несколько любопытных высказываний: «Один стряпчий, увидя к себе презрение от

некоего президента по причине его младости, сказал ему: «Государь мой, я молод, но я читал старые книги» (Дзивович); «Честность есть неоцененное сокровище» (Нейхарлт); «Хорошие законы суть подпорю государства»²⁸. В одном из номеров рукописного журнала «Утро праздничных дней» 24 июня 1793 г. записал басно «Лев и крыса» декабрист В.К.Тизенгаузен²⁹. Рукописные журналы, по-видимому, пользовались популярностью в кадетской среде и в XIX в. Возможно, именно из них черпали вдохновение будущие знаменитые авторы «сочинений Козьмы Пруткова» братья В.М. и А.М. Жемчужниковы, учившиеся в корпусе в 40-х гг. XIX в. Не случайно часть «Досугов...» Козьмы Пруткова получила название «Плоды раздумья» и некоторые из афоризмов имеют почти дословные текстологические совпадения с записями из журналов «Плоды сечения господ кадетов».

Другим видом детского творчества было написание поэм, посвященных корпусной жизни. Такова «Звериала» в I-м Кадетском корпусе, которую дополняли в течение столетия. Поэмы не всегда носили безобидный характер, иногда их содержание по сути дела являлось пасквилем на корпусной порядок и непосредственно затрагивало корпусное начальство. И «обнародование» таких произведений имело неприятные последствия не только для авторов, но и для начальства. В корпусах велись сатирические журналы, газеты, происходило приобщение к журналистике и литературной деятельности (Н.П.Брусиллов, М.Ю.Лермонтов, Л.М.Жемчужников и др.).

Одной из самых распространенных традиций в кадетских корпусах было празднование корпусных юбилеев. Празднование юбилеев дат основания корпусов принимало особенно торжественные формы. Принято было отмечать также юбилей наиболее известных преподавателей и начальников. Так, в I-м Кадетском корпусе широко отмечали юбилей 50-летней творческой деятельности Н.И.Греча и 25-летний юбилей Я.И.Ростовцева на посту Главного начальника военно-учебных заведений.

Итак, нельзя сказать, что кадеты были менее начитаны, чем студенты, менее интересовались вопросами общественной и культурной жизни, но у них был специфический круг чтения, определенный «Журналом для чтения воспитанников военно-учебных заведений». С другой стороны, богатый состав корпусных библиотек во многом расширял кругозор воспитанников и помогал им стать достаточно образованными людьми. Знакомство с «внешним миром» часто осуществляли педагоги-словесники. Лекции В.Т.Плаксина, А.А.Комарова, И.И.Введенского были окном во внешний мир.

Закончить краткий обзор духовной атмосферы, утвердившейся в военно-учебных заведениях во второй половине XVIII — середине XIX вв., нам хотелось бы словами, характеризовавшими одного из их выпускников, но в полной мере соотносимыми с комплексом личностных черт, свойственных типу бывшего кадета в целом. По отзыву современника, это были люди, «пламенно любившие свою Родину, твердо верившие в ее высокое предназначение, смотревшие на свои обязанности как на священный долг, который надлежало нести бескорыстно, безропотно и безупречно...»³⁰

- 1 Головин Н.Н. Российские офицеры /Подгот. И.В.Образцов // Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 46.
- 2 Брусилов Н.П. Воспоминания // Исторический вестник (далее – ИВ). 1893. № 4. С. 51, 52.
- 3 Бельгард В.А. Автобиографические записки // Русская Старина. 1899. Т. 97. № 1. С. 166.
- 4 Фрейман О.Р. фон. Пажи за 185 лет. Фридрихсгамн, 1894; То же. 1897.
- 5 РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Т. 6. Д. 9626: Документы и биографии бывших пажей. Л. 1-7; Т. 6. Д. 9221: Норов В.С. 1812 г.; Д. 9308: Пушкин А.А. 1851 г.
- 6 Пуцин М.И. Записки Михаила Ивановича Пуцина // Русский Архив (далее – РА). 1908. № 11. С. 413.
- 7 Погожев В.Н. Воспоминания // ИВ. 1893. № 5. С. 709-710.
- 8 Цылов Н.И. Записки о моей жизни // Шукинский сборник. М., 1906. С. 53.
- 9 Назаров А.Н. Формирование нравственной культуры у воспитанников военно-учебных заведений России. М., 1997. С. 67.
- 10 Аллатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатского типа. (Из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России). М., 1958. С. 56.
- 11 Аллатов Н.И. Указ. соч. С. 55.
- 12 См.: Леман А.И. Очерки кадетской жизни.
- 13 См. Воспоминания Филипповой А.В. об отце Васильковском В.А. См.: Филиппова А.В. Из воспоминаний // РА. 1917. № 2-3. С. 45-46.
- 14 Брусилов Н.П. Воспоминания // ИВ. 1893. № 4. С. 49.
- 15 Мамаев Н.И. Записки Н.И.Мамаева // ИВ. 1901. Т. 83. № 3.
- 16 Кропотков Д.А. Несколько сведений о Рылеве: По поводу записок Греча // Русский вестник (далее – РВ). 1869. Т. 80. № 3.
- 17 Леман А.И. Очерки кадетской жизни. СПб., 1888. С. 76; Аллатов Н.И. Указ. соч. С. 85.
- 18 Там за Невою моря и океаны. М., 1976. С. 82; Куприянов А.И. Русский город в 1-й половине XIX в. М., 1995. С. 90, 95.
- 19 Георги Г.И. Описание Санкт-Петербурга и его достопримечательностей. СПб., 1794. С. 373-374; То же. СПб., 1996. С. 322.
- 20 РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 2. Д. 4194. Л. 1-10.
- 21 РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Т. 2. Д. 4194. Л. 2 об.-3 об.
- 22 Иммертинский Н.К. Пажеский корпус в 1843-48 гг. Записки старого пажа // РВ. Т. 190. 1887. № 9. С. 702.
- 23 В настоящее время историей библиотеки занимается секретарь Суворовского училища О.В.Сильченко. Согласно сообщению программ «Ленинградская папорома» от 11.3.1992, «Телекурьер» от 14.0., в библиотеке Таврического дворца имеются книги из библиотеки Пажеского корпуса. РГВИА. Ф. 945. Оп. 1. Д. 268: 24 марта 1830 г. Каталог российским, французским и немецким книгам, находящимся в библиотеке е.и.в. Пажеского корпуса. Л. 40-62 об.
- 24 Там за Невою. С. 44-45.
- 25 Там же. С. 47-48.
- 26 Там за Невою. С. 43.
- 27 РНБ ОР. Ф. 1057. Д. /б.п./: Рукописные журналы 1-го кадетского корпуса «Плоды счисления господ кадетов. 1790-1794 гг.»
- 28 Там же. 1790. Т. 1. Л. 6, 12, 13, 14.
- 29 Там же. 1793. Т. 4. Л. 1, 101.
- 30 Кедрина Л.Е. Из моих воспоминаний. // РА. Кн. 1. № 1. М., 1917. С. 102.